

УДК [94:339](47+57)Р+(470.6)
Оригинальная научная статья

EDN ZTQACS

РАЗВИТИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ С НАРОДАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

Д. С. Кидирниязов

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Адрес: 367 030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, д. 75

Поступила
в редакцию
14.05.2025

Поступила
после
рецензирования
21.07.2025

Принята
к публикации
23.08.2025

Аннотация. Работа охватывает ключевой исторический этап интеграции региона в экономическое пространство России, характеризующийся сложным переплетением политических, экономических и культурных факторов.

Цель исследования – комплексный анализ развития торгово-экономических отношений между Российской империей и народами Северного Кавказа в период с XVIII до середины XIX века.

Основное внимание уделяется эволюции форм торгового взаимодействия, начиная от меновой торговли и заканчивая становлением товарно-денежных отношений. Рассматривается роль традиционных торговых путей, ярмарок и меновых дворов в развитии экономических связей. Особый акцент делается на анализе товарной структуры торговли, включая экспортно-импортные операции, динамику цен и специфику спроса на различные товары.

В основу методологии положены принципы историзма и системного подхода, позволяющие анализировать торгово-экономические отношения в динамике их развития. Применяются сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы, а также анализ архивных материалов и статистических данных для реконструкции полной картины экономического взаимодействия. Особое внимание уделяется междисциплинарному синтезу, инкорпорации достижений экономической истории и культурной антропологии.

Особое внимание уделяется роли отдельных социальных групп в развитии торговли – русских купцов, горских торговцев, казачества и местной знати. Исследуется влияние военно-политической обстановки на Кавказе на состояние торгово-экономических связей, включая периоды обострения и нормализации отношений.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования исторического опыта для разработки современных моделей экономического взаимодействия с регионами Северного Кавказа.

Результаты исследования могут быть применены в научной и педагогической деятельности, а также при формировании региональной экономической политики, учитывающей исторические традиции и особенности развития торгово-экономических отношений.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, народы, торговля, меновые дворы, тесные связи, значение

Финансирование: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цит.: Кидирниязов Д. С. Развитие торгово-экономических отношений России с народами Северного Кавказа в XVIII – середине XIX века // Вестник государственного и муниципального управления. – 2025. – Том 14. – № 3. – С. 89–103. – EDN ZTQACS.

© Кидирниязов Д. С., 2025

DEVELOPMENT OF TRADE AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE 18TH – MID-19TH CENTURIES

D. S. Kidirniyazov

Institute of History, Archaeology and Ethnography DFRC RAS

Address: 75, Magomed Yaragsky St., 367030, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation

Received
14.05.2025Revised
21.07.2025Accepted
23.08.2025

Abstract. The work covers the key historical stage of the region's integration into the economic space of Russia, characterized by a complex interweaving of political, economic and cultural factors.

The purpose of the study is a comprehensive analysis of the development of trade and economic relations between the Russian Empire and the peoples of the North Caucasus in the period from the 18th to the mid-19th century.

The main attention is paid to the evolution of forms of trade interaction, from barter to the formation of commodity-money relations. The role of traditional trade routes, fairs and barter yards in the development of economic ties is considered. Particular emphasis is placed on the analysis of the commodity structure of trade, including export-import operations, price dynamics and the specifics of demand for various goods.

The methodology is based on the principles of historicism and a system approach, allowing to analyze trade and economic relations in the dynamics of their development. Comparative historical and structural-functional methods, as well as the analysis of archival materials and statistical data are used to reconstruct a complete picture of economic interaction. Particular attention is paid to interdisciplinary synthesis, incorporating the achievements of economic history and cultural anthropology.

Particular attention is paid to the role of individual social groups in the development of trade - Russian merchants, hilltribe traders, Cossacks and local nobility. The influence of the military-political situation in the Caucasus on the state of trade and economic relations is studied, including periods of aggravation and normalization of relations.

The practical significance of the work lies in the possibility of using historical experience to develop modern models of economic interaction with the regions of the North Caucasus.

The results of the study can be applied in scientific and pedagogical activities, as well as in the formation of regional economic policy, taking into account historical traditions and features of the development of trade and economic relations.

Keywords: Russia, North Caucasus, peoples, trade, exchange yards, close ties, significance

Funding: This study was performed without external funding.

For citations: Kidirniyazov D. S. (2025) Development of Trade and Economic Relations between Russia and the Peoples of the North Caucasus in the 18th – Mid-19th Centuries. *Journal of Public and Municipal Administration*. Vol. 14, no. 3. p. 89–103. EDN ZTQACS.

© Kidirniyazov D. S., 2025

ВВЕДЕНИЕ

Изучение развития торгово-экономических отношений России с народами Северного Кавказа в XVIII – середине XIX века представляет значительный научный интерес в контексте современных исторических и политико-экономических исследований. Актуальность данной темы обусловлена несколькими взаимосвязанными аспектами.

Во-первых, анализ исторического опыта экономической интеграции Северного Кавказа в общероссийское пространство позволяет выявить закономерности и особенности формирования единого экономического организма империи. Это приобретает особую значимость в свете современных процессов региональной экономической кооперации и выработки стратегий пространственного развития.

Во-вторых, исследование торгово-экономических взаимодействий дает ключ к пониманию сложных процессов социокультурной адаптации и взаимовлияния, которые во многом определяли характер включения северокавказских народов в состав Российской империи. Изучение экономических практик позволяет реконструировать механизмы повседневного взаимодействия между различными этническими и социальными группами.

В-третьих, современные международные вызовы и необходимость обеспечения экономической безопасности южных рубежей России придают историческому опыту особую практическую ценность. Анализ успешных моделей экономического взаимодействия может contribute к разработке современных стратегий развития межрегиональных связей.

Кроме того, актуальность темы связана с необходимостью преодоления существующих лагун в историографии. Несмотря на наличие значительного количества работ по политической истории присоединения Северного Кавказа, комплексные исследования торгово-экономических аспектов этого процесса остаются недостаточно разработанными.

Исторический опыт формирования экономических связей между Россией и народами Северного Кавказа представляет ценность для разработки современных моделей межкультурного диалога и экономического сотрудничества, учитывающих как общеимперские тенденции, так и региональную специфику.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ключевая проблема исследования заключается в существенном противоречии между значительной ролью торгово-экономических отношений в процессе интеграции Северного Кавказа в состав Российской империи и недостаточной изученностью данного аспекта в современной историографии. Несмотря на наличие обширного комплекса архивных материалов и источников личного происхождения, комплексный анализ механизмов и динамики экономического взаимодействия остается фрагментарным и несистемным.

Особую остроту приобретает проблема методологического характера, связанная с отсутствием единого концептуального подхода к оценке роли торгово-экономических факторов в сложном процессе включения северокавказских территорий в общеимперское пространство. Существующие исследования зачастую ограничиваются либо сугубо экономическим анализом товарооборота, либо политическими аспектами расширения российского влияния, не раскрывая глубинной взаимосвязи между экономическими и социокультурными процессами.

Значительной проблемой остаётся недостаточная изученность региональных особенностей торгово-экономических отношений. Унифицированный подход к анализу не позволяет выявить специфику взаимодействия с различными народами Северного Кавказа, учитывающую особенности их хозяйственного уклада, социальной организации и традиционных экономических практик.

Важной научной проблемой является и объективная оценка степени взаимовлияния экономических моделей – имперской и традиционных горских. Требуют детального

изучения вопросы адаптации российских экономических институтов к местным условиям и, наоборот, влияния кавказских экономических практик на развитие торговли в пограничных регионах империи.

Практическая значимость решения этих проблем обусловлена необходимостью выявления исторических закономерностей экономической интеграции, что может способствовать разработке эффективных моделей современного регионального сотрудничества с учетом исторического опыта и традиционных хозяйственных практик народов Северного Кавказа.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, интегрирующий принципы историзма, системности и научной объективности. Ведущим методом выступает историко-генетический анализ, позволяющий проследить генезис и эволюцию торгово-экономических отношений в динамике. Историко-сравнительный метод применяется для выявления общих закономерностей и специфических особенностей экономического взаимодействия с различными народами Северного Кавказа. Важное место занимает историко-типологический метод, способствующий классификации форм торговых отношений, характера товарообмена и институтов регулирования экономических процессов. Системный подход обеспечивает рассмотрение торгово-экономических связей как элемента более широкой системы интеграционных процессов Российской империи.

Особую значимость приобретает использование методов количественного анализа при работе с таможенными ведомостями, статистическими отчетами и хозяйственной документацией. Это позволяет реконструировать объемы товарооборота, динамику цен и структуру торговых операций.

Качественные методы исследования, включая дискурс-анализ документов официального делопроизводства и источников личного происхождения, дают возможность выявить восприятие экономических процессов современниками. Междисциплинарный синтез, incorporating подходы экономической антропологии и институциональной экономики, позволяет раскрыть глубинные механизмы торгового взаимодействия.

Картографический метод способствует пространственной визуализации торговых путей и центров экономического обмена. Компаративный анализ российских и северокавказских экономических практик обеспечивает выявление взаимовлияния и адаптационных процессов.

Комплексное применение указанных методов создает надежную основу для эффективного изучения многогранного процесса развития торгово-экономических отношений, учитывающего как макроэкономические тенденции, так и региональную специфику взаимодействия.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как известно, основным видом деятельности местных жителей края были земледелие и животноводство (История народов..., 1988, С. 371).

Незначительная площадь пахотной земли, полезной для земледелия в горных районах, повлекла к расцвету тут в особенности значительных видов возделывания земли. В альпийских регионах, главным образом в Дагестане, Карачае, Балкарии и др., в изучаемый период повсеместно использовались подкормка поля перегноем, террасное земледелие в скалистых отрогах (ступенчатое расположение полей), закрепление их перегородками. В горной местности из-за ограниченности земельных ресурсов были серьезные различия по ведению годового цикла сельского хозяйства (Ахмадов, 2002, С. 329). Население равнинной зоны региона, помимо плоскостной части Кумыкии и зоны Прикаспия в Дагестане, по сути, не увлекалось животноводством (История Дагестана..., 2004, С. 329; Чирг, 2002, С. 28).

Практически повсеместно у местных жителей края возделывание земли сосуще-

ствовало с животноводством (Ахмадов, 2002, С. 97, 101; Гербер, 1958, С. 9, 71, 73; История народов..., 1988, С. 379; Хашаев, 1961, С. 80).

Более того, у местных жителей, у которых в хозяйственной жизни превалировало скотоводство, занятие полеводством являлось неотъемлемой частью реальной действительности (История Дагестана..., 2004, С. 331; История Чечни, 2006, С. 20).

Местное население заседало поля зерном, просом, гречихой, сарацинским пшеном (рис), чечевицей, кукурузой, рожью и т. д.

Например, у кабардинцев, черкесов, адыгейцев доминировал залежный или переложный уклад хозяйствования (История народов..., 1988, С. 28). Что касается равнинной зоны Восточного Кавказа, то здесь присутствовала трехполка: влажная почва, озимь и залежь (История народов..., 1988, С. 80). Поле на Восточном Кавказе культивировали деревянным дисковым лемехом, куда запрягали пару волов (История Адыгеи..., 2009 Т. 1, С. 329).

Весьма эффективно осуществлялось овладение землепашеством в дагестанских горах. Тут подходящей плодородной земли не хватало, в связи с этим местное население в прямом смысле слова освобождало любой кусок территории окружающей среды. Ранее уже отмечалось, что в горной зоне Восточного Кавказа функционировало ирригационное землепашество, к примеру, не естественные уступы с каменной балясиной, кронштейнами и заборами. На ступенчатых землях растили кукурузу, ячмень, наряду с пшеницей, а также выращивали деревья и сажали сады (История народов..., 1988, Т. 1, С. 329). В дополнение к этому Восточный Кавказ являлся центром высокоразвитого виноделия. Высшая точка развития винокультуры была достигнута в городах Дербент и Кизляр, а также в левобережной части реки Терека (Гриценко, 1984, С. 97).

Иностранный автор Иоганн Гербер, посетивший в 20-е годы XVIII столетия Северо-Кавказский регион, поднимает уникальные данные о хозяйственной деятельности жителей края. В частности, автор отмечает, что эндириевские кумыки пользовались немалыми плодородными участками земли, а жители крупного селения Тарки сеяли к тому же хлопок, который в действительности рос «наихудше» (Гербер, 1958, С. 9, 71, 73).

В рассматриваемое время местные жители, кроме того, практиковали и овощеводство. Население разводило рассаду лука, чеснока, моркови, красного перца, дыньку, арбузы и прочее. В поймах рек выращивали чалтык (сарацинское пшено). Наряду с этим на территории Дагестана культивировали и некоторые прядильные и сельскохозяйственные культуры (хлопчатник и красильную траву (марена)). Из корешка красильной травы извлекали биологически активные вещества для шерстяного руна, шелковистых, бархатных и ряда некоторых материй (полотен) (История народов..., 1988, Т. 1, С. 329; Хашаев, 1961, С. 80).

Острая нехватка земельных площадей у осетин и ингушей не способствовала совершенствованию полеводства.

В исследуемый период повсеместно у местных жителей имелось высокоразвитое скотоводство. Исключительно подходящая среда для его улучшения имела у ногайского, карачаевского, адыгского и других народов. В горах держали баранов, овец и коз, а в равнинной зоне более развито было животноводство (быков, волов) для мясного и молочного производства, кормившего жителей региона мясной, молочной, колбасной продукцией (Ахмадов, 2002, С. 97, 101; Книга о лошади, 1937, Т. 1, С. 461). В частности, у адыгского, ногайского, карачаевского народов значительную роль в хозяйственной жизни играло разведение лошадей (Книга о лошади, 1937, Т. 1, С. 461).

Нужно указать, что в горах региона существовали две широко общепринятые структуры скотоводства: постоянная (стойловая) и пастбищная. Для высокогорной зоны была характерна отгонно-пастбищная структура, для горной гряды и отрогов – отгонно-пастбищное животноводство, опиравшееся на применение выпасов для скота, основных подогревов.

Нужно подчеркнуть, что пастбищно-отгонный механизм был показателен для зон края со сравнительно высокоразвитым полеводством и садоводством (История наро-

дов..., 1988, Т. 1, С. 381).

В рассматриваемый период в хозяйственной деятельности жителей края важное значение занимало разведение бортничества. Локально произведенные продукты пчеловодства высокого качества имели большой спрос в Российской империи, подобным же образом и далеко за границей (История народов..., 1988, Т. 1, С. 381). Наряду с этим, некоторая группа из местных жителей промышляла ловлей рыбы, преимущественно на Каспии – от дельты реки Терек до Самура (История народов..., 1988, Т. 1, С. 381–382).

Значительное место в хозяйственной жизни местного населения заняли производство народных промыслов и кустарного дело, материалом для них служили ингредиенты животноводства. Нужно отметить, что домашнее производство зачастую переходило в ремесленную промышленность и кустарный труд.

Тем не менее занятие ремесленным делом не получило существенного развития повсюду в равной степени. Необходимо указать, что на территории Дагестана относительно других регионов ремесленное дело приобрело масштабное распространение. Металлические, гончарные и ювелирные предметы, изготовленные дагестанскими мастерами (из селений Кубачи, Унцукуля, Ахты, Гочатля и т.д.) достигли большого признания за пределами торговых площадок края. Продукция дагестанцев в значительной массе следовала в Российскую империю, страны Закавказья, османскую Порту, Ближний Восток и др. (Кидирниязов, 2016, С. 67–68).

Следует отметить, что к концу XVIII столетия на Кавказе прошло разграничение кустарного промысла из нескольких видов домашнего ремесла. Предпосылки этого явления обуславливались расширявшимися экономико-торговыми взаимоотношениями местного населения с жителями Российской империи и Закавказья. Главным образом со времени учреждения товарообменного подворья в Северо-Кавказском крае растет торговая активность, которая благоприятствовала становлению составляющих мелкорозничного бизнеса (История Адыгеи..., Т. 1, С. 25; История Дагестана..., 2004, С. 335; Чирг, 1985, С. 68; История Чечни..., Т. 1, С. 208).

В исследуемый период торговые отношения населения региона были бартерными (меново-обменными). Львиную долю жизненно важных товаров жители региона обменивали на животных, продукцию полеводства и традиционные кустарные товары (Бутков, Ч. 1, С. 20; Гербер, 1958, С. 63–64).

Нужно подчеркнуть, что традиционно в крае действовало множество лавок, заведений кварталов и палаток для торговли в относительно крупных и средних городах и населенных пунктах. Они имели немалое значение в хозяйственном быту местного населения.

Знаменитыми торгово-экономическими площадками в крае являлись Кизляр, Моздок, Ставрополь, Екатеринодар, Владикавказ, Дербент, Батал-паша и т. д. (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 39. Л. 9 с об.; Ф. 266. Оп. 1. Д. 39. Л. 1; Ф. ВУА. Д. 6267. Л. 8 с об.).

В период Каспийской военной экспедиции летом 1722 года г. Терки посетил Пётр Великий, который обследовал укрепление. Распланирование крепости его не впечатлило, государь велел форт разрушить и возвести укрепление на усовершенствованном выгодном расположении.

В начале осени 1724 года государь издал постановление, в рамках которого требовалось передвинуть из Терского города в новое укрепление Святой Крест военные поселения, казармы и население. Новое укрепление располагалось у реки Сулак в двадцати верстах к югу от реки Терек. Туда также перебрались представители местных народов, которые ранее жили в крепости Терки отдельными поселениями. У коренных жителей региона, проживавших вблизи укрепления Святой Крест, доминирующую роль играло занятие торговлей (ПСЗРИ, Т. 1, С. 583). Расширение торгово-экономических отношений стимулировал, в свою очередь, и указ российских властей весны 1724 года о государственной монополии к перевозке и открытой купле-продаже товаров первой необходимости, а также виноматериалов, «табачной травы», муки, мясопродуктов, домашних животных в города Дербент, Баку и укрепление Святой Крест (Гербер, 1958,

С. 64). Следует указать, что опорный пункт Святой Крест выполнял и важную функцию коммуникационного узла оживленных торговых отношений Российской империи с государствами Закавказья и шахской Персией (Гербер, 1958, С. 63; Русско-дагестанские..., 1958, С. 295). В укреплении Святой Крест находились гражданское управление и таможенная служба, неустанно контролировавшая поставляемые и экспортируемые из города продукцию, фиксировавшие визит и отбытие торговцев и др. (Бутков, Ч. 1, С. 561–563).

Необходимо указать, что российские власти поддерживали слободы армянского и грузинского, не в последнюю очередь, православного населения из Закавказья вблизи укрепления Святой Крест. Всё это осуществлялось в целях стабилизировать подъем экономики региона, развивать взаимовыгодные не в последнюю очередь для России торговые отношения в покупке неочищенного шелкового полуфабриката, в сыром виде тканей. Переселившиеся в край из Закавказья (армяне и грузины) транслировали культивирование тутовых деревьев, хлопководства, шелководства, сарацинского зерна (рис), распространяя современные формы ведения хозяйства (ПСЗРИ, Т. 1, С. 563).

Торговец Сафар Васильев (армянского происхождения), приехавший из Персии, обладая информацией, что российская администрация придает огромное значение становлению шелкового производства в юго-восточных пределах России, в 1710 году обрел «благосклонное» разрешение заняться шелководством в низовьях реки Терек. Более того, он получает разрешительный документ от российских властей конфиденциально вывезти из Закавказья в Россию опытных мастеров по шелковому делу, последним выделялись хутора, участки для выращивания тутовников (шелковичного дерева), кроме того, для возделывания чалтыка (рисовое растение), хлопчатника и других культур (ПСЗРИ, Т. 1, С. 561–563).

Нужно отметить, что возведенное укрепление Святого Креста просуществовало непродолжительное время. Согласно российско-иранскому мирному соглашению 1735 года укрепление Святой Крест было разрушено, и всё живущее тут население перевели в заново построенный город Кизляр. Впоследствии возникший город имел заметное значение в международном товарообороте с иностранными государствами (Гриценко, 1984, С. 164). Тут были основаны зоны свободной торговли и опорные пункты для сбора налогов с реимпортируемых из-за границы и перевозимых за пределы страны изделий. В исследуемый период Кизлярская крепость олицетворяла собой многоязычный, поликонфессиональный конгломерат разных национальностей. Наряду с этим здесь имела община торговцев из Индии, принимавших активное участие в трансферных торговых отношениях российских купцов с торговцами из Ближнего Востока (ПСЗРИ, Т. 1, С. 563).

В указанный период значительная доля международного товарообмена с иностранными государствами шла на юг, вдоль берега Каспийского моря, следуя вдоль Дербента, Каспия, Тарков и ряда некоторых торгово-экономических центров Прикаспия. Например, в городе Дербенте располагались лавочные комплексы для торговли предпринимателей из России, Ирана, Армении, Азербайджана и Грузии. Несмотря на это, занятие коммерцией по побережью Каспия в течение рассматриваемого времени уменьшалось. Тем не менее торгово-экономическая деятельность занимала ключевые позиции в экономическом сотрудничестве с территориями Закавказья и Аравийского полуострова (История народов..., Т. 1, С. 386).

К концу XVIII – 1-й половины XIX столетия большую масштабность обретают черноморские гавани края – Анапский, Темрюкский, Таманский.

Обменными точками в кавказской прибрежной зоне Черного моря служила дельта водных артерий, располагавших практичными причалами для турецких кораблей. Такого типа местами являлись низовья Черного моря – Туапсе, Сочи, Хоста и т. д. (ГАКК. Ф. 266. Оп. 1. Д. 39. Л. 10; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6267. Л. 8 с об.). Наряду с этим до наложения управления России в восточной части Черноморского побережья османские предприниматели занимались активной торговой деятельностью в городах Анапа и Суджук-кале. В частности, согласно сведениям одного из первых историков-библиографов Ва-

силия Семёновича Шамрая, вплоть 1827 года из города Анапы каждый год следовало от ста до ста пятидесяти шкурок заячьих и до четырех тысяч – кабаньих, кроме того, значительное число песцовых, собольих, куньих, лисьих, барсучьих, ондатровых шкур (Шамрай, Т. 8, С. 460). Наряду с этим часто приезжали в город Геленджик османские торговцы (ГАКК. Ф. 266. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

В 1-м квартале XIX столетия значительное место в международном товарообмене местных жителей северо-западной части Северного Кавказа усилилось влияние Центральной России. Это обосновывалось укреплением российской позиции в крае вследствие снижения значения султанской Турции и ее вассала – Крыма, а также направлением торговой деятельности. В частности, в конце 1827 года в товарообменный дом в Новоекатери́нске на Кубани прибыла депутация от черкесов (шапсуги), проживавших вблизи рек Антхыра, Вогундыра, Абина, Иля, Хабля. Шапсуги упрашивали дать им согласие на безбарьерные торговые отношения в общероссийских товарообменных домах, расположенных вблизи земельных участков черкесов. Адыги-шапсуги думали, что целесообразнее заниматься торговлей с восточнославянским населением, чем с турками, ввиду того что лишь состоятельное местное население, живущее вблизи г. Анапы, может прибегать к товарообмену с горожанами, обеспечивая их местным сливочным маслом, медом, парафином (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 77).

Городским жителям региона требовалась продукция местного сельского населения, а последние нуждались в промышленных изделиях из Центральной России. По сравнению с торговыми отношениями с шахскими Ираном либо с султанской Турцией реализация товаров из центральных регионов страны обеспечивала местное население в первую очередь предметами повседневного спроса (текстильные полотна, плотные ткани, ситец, сатин, бязь и другой различный дешевый трикотаж, металлопродукция, каравай, булки, батоны, хлебная выпечка и др.). А из шахской Персии и султанской Турции привозили на продажу парчовые, шелковые, бархатные, велюровые материалы, разные специи и приправы. Помимо этого, в торговых отношениях с турками особенно дорогостоящую товарную позицию занимала продажа невольников. Необходимо указать, что значительное место в поддержке торговли рабами (работорговом бизнесе) в Северо-Кавказском крае занимала крымская знать (История народов..., Т. 1, С. 386; Писарев, Т. 9, С. 155).

Активному росту торговых операций на черноморском взморье Кавказа способствовал подписанный Адрианопольский мирный договор 1829 года эти земли, в соответствии с действующей международной конвенцией, являлись территорией османской Порты. Турки всеми возможными способами делали коммерческое проникание на территорию Западного Кавказа, расценивая его как возможность для укрепления государственно-правового положения (Пушкарев, 1940, № 9).

Разумеется, такая конфигурация торгового сотрудничества не имела возможности содействовать улучшению спокойных, без войн взаимосвязей между соседними народами и странами. В связи с этим местное население стремилось в своих интересах взаимодействовать с российской администрацией. Они занимались обменом «разного товара» беспрепятственно. Делегация уважаемых аксакалов из числа шапсугов, о них уже говорилось ранее, придя еще раз в течение следующего месяца, в конце октября 1823 года, на заставу Новоекатери́нска, объявила, что шапсугское население воздерживается от османского подчинения и данной раньше клятвы турецкому визирю в крепости Анапа и стремится Российской империи «пребывать верными» (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 94–95).

Необходимо указать, что к концу XVIII столетия в кавказском социуме активно развивались кустарные промыслы из нескольких отдельных категорий домашнего производства. Фактор данного развития выражался возросшими торговыми отношениями местных жителей с многочисленным населением Российского государства и Закавказья. Главным образом со времени образования обменных дворов в крае предпринимается расширение торгово-экономических связей, последние благоприятствовали об-

разованию компонентов мелко-объемного предприятия.

В рассматриваемое время торговые отношения местного населения носят товарообменный характер. Значительную долю нужных поделок местное население края обменивало на животных, продукцию сельского хозяйства и народных промыслов.

Торгово-обменные дворы имели большое значение в укреплении торговых взаимоотношений, способствовали интеграции в российское экономическое пространство. В первой половине XIX столетия можно выделить несколько периодов – первый этап (1800–1845 гг.) выделялся учреждением менообменных дворов и прежде всего товарообменным сотрудничеством, второй этап (1846–1859 годы) был координирован с принятием в 1846 году нормативного акта о торгово-обменном бартере. Экономическое развитие в данный период приобретает отличительные свойства, и проникая к местным народам товаров российской промышленности (История народов..., Т. 2, С. 79).

К концу первой половины XIX столетия расширяется разнообразие торговой деятельности, а также ассортимент привозимой и продаваемой продукции (История народов..., Т. 2, С. 83).

Известными торговыми центрами на Северном Кавказе были Дербент, Кизляр, Терки, Моздок, Грозный, Ставрополь, Екатеринодар, Владикавказ, Георгиевск, Батал-паша и др. (Абдулвахабова, 2018, С. 36–39; Магомедов, 1957, С. 49).

К концу первой трети XIX столетия прослеживается какой-то расцвет народной коммерции в городах Георгиевск и Моздок. На ежегодную осеннюю ярмарочную торговлю, проходившую в городе Моздоке в 1829 году, было завезено продукции промышленного потенциала страны в размере свыше 168 тысяч руб. В дополнение в этот регион были доставлены изделия из Европы почти на 9 тыс. руб., из османской Порты в размере свыше 1500 руб. (Кумыков, 1962, С. 49).

Значительная доля международных торговых сделок была на базе центральных городов и крупных населенных пунктов, таких как Дербент, Тарки и др. Уровень торгового оборота был не менее чем у купцов из Центральной России (например, Макарьевская ярмарка), Закавказья, а также вочточных регионов. Правда, торговые отношения по прибрежной зоне Каспийского моря в течение изучаемого периода уменьшались, впрочем, занимая, однако, значительное место в экономическом сотрудничестве с ближневосточными государствами и Закавказьем.

К концу XVIII – первой половине XIX столетия всё большую роль играют гавани Черного моря Северо-Кавказского региона – Тамань, Анапа, Темрюк.

Так, по данным историка В. С. Шамрая, накануне 1827 года из порта Анапа каждый год следовали от ста до ста пятидесяти тысяч штук шкурок зайцев и до четырех тысяч кабаньих, к тому же большое число волчьих, лисьих, куньих и беличьих меховых шкур (Шамрай, 1901, С. 460). Кроме того, нередко появлялись в Геленджике турецкие купцы (ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1003. Л. 77).

Следует отметить, что торговая деятельность местных народов с шахской Персией и Портой в конечном итоге значительно уменьшала число торговых людей, принимающих участие в экономических сделках, ограничивая его крупной привилегированной прослойкой. Бесспорно, подобные торговые отношения с восточными странами не соответствовали потребностям значительной части северокавказских народов, сдерживали совершенствование производственного потенциала (Чекменев, 1970, С. 298).

Экономическое сотрудничество с Российской империей играло важную роль для местного населения региона, стимулируя внутреннее развитие предприятий по производству кустарной продукции, разведению животных, плодовых деревьев, зерна, меха. Население края покупало у русских поваренную соль, а также иные товары первой необходимости и некоторые инструменты обработки и технологии. Разумеется, что оно более всего тяготело к расширению торговых отношений в российских городах и русских станицах, невзирая на трудности политической ситуации и антиимперскую агитацию с позиций Персии и османской Порты (Чекменев, 1970, С. 298).

Со времени появления к концу XVIII столетия товарообменных домов предпри-

нимается активное расширение торгово-экономического сотрудничества, последние содействовали развитию ресурсов мелкообъемной индустрии.

В 1810 году российскими властями было согласовано намерение создать обменную куплю-продажу с местным населением региона по Кавказской укрепленной полосе. Для этой цели в 1811 году на указанной черте было налажено шесть меново-обменных домов: Усть-Лабинск, Прохладный, Прочноокоп, Константиногорск, Лашуринск и Наур. В дополнение на территории Черноморско-казачьего войска находились «войсковые» товарообменные дома – в Екатеринодаре, Редутском, Новоекатериинске, Славянске, Бугазе, Великолагерном, Малолагерном и др. районах.

Жители Кубани доставляли в меново-обменные дома мед, масла, кожаные и шерстяные изделия, сукно, яблоки, груши и продукцию из фруктов, гнали коней и крупных рогатых животных. Взамен на то брали поваренную соль, чего не доставало им в дополнение к этому, сатин, ситец, бязь, батист и другие мануфактурные фабрикатy, металлические предметы.

Следует отметить, что с разворачиванием меново-обменных домов были установлены безжалостные требования, местное население ограничено в своей коммерческой сделке неизбежностью товарообмена своих товаров исключительно в определенных точках. Развитие натурального обмена осуществлялось под прямым контролем территориальной российской власти в регионе.

Это не увенчалось успехом стремление имперских властей полностью установить монопольное пользование в обменном сбыте с местными жителями, торговые взаимодействия жителей края с русским населением всё масштабнее и предпочтительнее развиваются за счет ярмарочных мероприятий и иных видов товарообменных операций.

А. П. Ермолов, в отличие от своих предшественников (А. П. Тормасова и Н. Ф. Ртищева), являлся противником разных компромиссов с северокавказским обществом, сопряженных с ведением торговых действий. В то же время торгово-экономические связи России с местными народами ранее были регулярными. Вследствие ведения прибыльной торговли с жителями края отдельные коммерсанты приобрели в регионе большую политическую силу. Например, заслуженно ярким среди них был российский предприниматель Р. А. Скассио, который имел покровительство местной российской администрации и Министерства иностранных дел России.

Р. А. Скассио удалось создать и возглавить в 1821 году для руководства торговыми сделками с местным населением Северо-Западного Кавказа отдельную коммерческую структуру «Попечитель» (куратор) для осуществления торговых отношений с адыгским и абазинским населением (Чирг, 2002, С. 8).

В политической стратегии «проконсула Кавказа» большое значение имели экономические результаты воздействия на местные народы. Например, им была усилена таможенная политика в крае. Вдобавок имперские власти в регионе монополизировали торговлю солью, вследствие чего местное население поневоле должно было обменивать свою продукцию на поваренную соль. Понимая её значение в хозяйственной жизни жителей края, присвоив себе исключительное право на её продажу и упорядочив этот процесс, имперская администрация в регионе заработала специальную возможность для влияния на местное население (Акты..., С. 240–241).

Пространство Северо-Кавказского края было обложено противоэпидемическими постами, под запретом находилось беспрепятственное передвижение поперек Кавказской черты. Коренные жители, занимающиеся торговыми делами, отправляясь в сельские населенные пункты и мегаполисы, где компактно проживали в основном представители кубанского и терского казачества и восточнославянского населения, проходили карантинную обработку на протяжении установленного периода (свыше одного месяца). Безусловно, это всё целиком усугубляло ситуацию по обеспечению местного населения поваренной солью.

К тому же для местных жителей была нерентабельна реализация своей продукции в меново-обменных домах – данное обстоятельство регулярно порождало у них

возмущение. Тем не менее местные жители тянулись к торговым отношениям с восточнославянским населением. Кавказские гражданские власти подчёркивали, что товарообмен повлиял и на другую продукцию, (ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233. Л. 140). Главе региона приходилось часто указывать на существование среди местных народов и восточнославянского населения дружеских взаимодействий.

Испытав трансформацию от оборонительного сооружения – крепости – до города в общественно-хозяйственном представлении термина, а также в военно-общественно-экономической интерпретации понятия, данные мегаполисы (Ставрополь, Георгиевск, Екатеринбург) выступили в роли посредников, стремительно сделавшихся главными точками торговых связей, экономического сотрудничества и развитых культурных отношений с местными народами, способствуя их дальнейшему, в большей степени теснейшему взаимосближению с русским народом.

С зарождением городских поселений в крае соприкосновение местных жителей с восточнославянским населением на рынках и ярмарочных выставках становится отныне в большей степени постоянным. Группа людей, ассоциированная с торговой площадкой, значительно увеличилась. В торговые отношения теперь привлекалось значительное количество сельских жителей, которые прежде, вследствие отдаленности маршрута, не имели возможности участвовать в товарообмене в больших и малых мегаполисах юга страны.

В исследуемый период важное место в экономическом сотрудничестве между странами занимала Российская империя. Всё это находило свое объяснение, кроме того, укреплением позиции Российского государства в крае и вследствие этого ослаблением роли шахской Персии и османской Порты тут, а также особенностью торговых отношений. К примеру, в конце 1827 года на Новоекатерининскую товарообменную территорию пришла команда адыгов (шапсуги), проживавших возле устья рек Хабль, Иль, Вогундар, Абин и Антхыр. Члены депутации хлопотали перед местной российской администрацией дать согласие на нерегулируемые торговые отношения в российских обменных домах. Жители шапсугских селений рассматривали более привлекательные торговые отношения с русскими, чем с турками, ввиду того основания, что «одни только достаточные» (состоятельные. – *Д. К.*) в состоянии практиковаться обменом в районе Анапы, имея возможность обеспечивать их коровьим сливочным маслом, воском, а неимущие, не располагая при себе такого прокормления, вынуждены для крайне нужных личных потребностей, нищеты остаться без своей последней собственности (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 77).

В ходатайстве адыгов (шапсуги) всплывают печальные картины их торговых отношений с османами. В частности, жители шапсугских селений приводили примеры, что иногда при крайней необходимости они бывают вынуждены выбросить своих маленьких детишек на продажу (ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1003. Л. 77 с об.).

Нужно указать, что городские жители региона, в основном русские, испытывали недостаток в продукции местных народов, жители региона – в жизненно важных товарах широкого потребления из Центральной России. По сравнению с торговыми связями с шахской Персией или османской Портой торговые отношения с Центральной Россией снабжали жителей региона в первую очередь товарами массового потребления (бязь, ситец, хлопок, холст, металл и др.).

В связи с этим торговые отношения с Российским государством играли принципиальную роль для местного населения, потому что давали стимул для расширения производительности труда, усиления производственных мощностей, с этой точки зрения они коренным образом отличались от торговых связей с шахским Ираном и султанской Турцией. На свою кустарную продукцию, животных, меха, мясные и хлебные изделия, яблоки, груши, сливы народы региона покупали у российских купцов в первую очередь соль, а также промышленные и фабричные изделия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеуказанного, местное население края, не приукрашивая «великодушия» российской администрации, как бы то ни было, с готовностью двигалось к добрососедскому торговому сотрудничеству.

Нужно подчеркнуть, что внешнеторговые связи местных жителей с Ираном, Турцией и ее подчиненным – Крымом – в действительности уменьшало группу купцов, принимавших участие в мероприятиях по реализации своих товаров, завершая его пределы значительной привилегированной прослойкой. Разумеется, такого рода торгово-экономические отношения с ближневосточными государствами не соответствовали уровню развития подавляющей части жителей региона, задерживали прогресс производственных мощностей.

В конечном итоге торговое партнерство с Российским государством играло инновационную роль для местного населения, ввиду того что оно давало огромный толчок для развития региональных производительных мощностей и в этом контексте значительно отличалось от торговой деятельности с Ираном, Турцией и Крымским полуостровом. На свои традиционные товары, животных, продукты скотоводства, кожу, шерсть, дары природы местные жители покупали в обменно-меновых домах, на рынке и ярмарочных толкучках как поваренную соль, так и жизненно важные продукты, легкие и дешевые тканевые материалы (батистовые, ситцевые, бязевые, хлопчатобумажные и т. д.), средства производства. Разумеется, народы региона стремились к расширению торгово-экономических взаимоотношений с Российской империей, невзирая на трудности, политическое положение и антирусскую пропаганду с позиций шахского Ирана, султанской Турции и Крымского ханства.

Список литературы:

1. Абдулвахובה, Б. Б. А. Торгово-экономические связи северокавказских народов с Кизляром во второй половине XVIII – первой половине XIX века / Б. Б. А. Абдулвахובה, И. Н. Даутов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 5. – С. 98–100. – DOI 10.23672/SAE.2018.5.14106. – EDN XQXNZR.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. – Тифлис: Типография Главного управления Наместника Кавказа, 1866–1904. – Т. 6. Ч. 1.
3. Ахмадов, Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века: очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века / Ш. Б. Ахмадов. – Элиста: АПП «Джангар», 2002. – 528 с. – ISBN 5-94587-072-3. – EDN UMUCWX.
4. Бутков, П. Г. Материалы для новой истории Кавказа, с 1722 по 1803 год / П. Г. Буткова. Ч. 3. – Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1869. – 620 с.
5. Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII – XIX вв.: Архивные материалы. – М., 1958.
6. Государственный архив Краснодарского края. – ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1103; Ф. 261. Оп. 1. Д. 39; Ф. 266. Оп. 1. Д. 39.
7. Государственный архив Ставропольского края. – ГАСК. Ф. 87. Оп. 1. Д. 233.
8. Гриценко, Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX века. – Ростов-на Дону, 1984.
9. История Адыгеи с древнейших времен до начала XX в.: в 2 т. Т. 1. – Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009. – 452 с.
10. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. История Дагестана с древнейших времен до XX века, 2004. – 626 с. – ISBN 5-02-009852-3.
11. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / (в пер.) В. П. Любин, Х. А. Амирханов, П. У. Аутлев и др.; отв. ред. Б. Б. Пиотровский; введ. А.П. Новосельцева; АН СССР, Институт истории СССР и др. – Москва: Наука, 1988. – 543 с. – ISBN 5-02-009486-2.

12. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Нарочницкий А.Л., Гаджиев В.Г., Гриценко Н.П. и др.; отв. ред. А.Л. Нарочницкий, АН СССР, Институт истории СССР и др. – М.: Наука, 1988. – 659 с. – ISBN 5-02-009408-0.

13. История Чечни с древнейших времен до наших дней. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века / М.Х. Багаев, Х.А. Хизриев, Я.З. Ахмадов и др. – 2006. – 826 с. – ISBN 5-98896-020-0.14.

14. Кидирниязов, Д. С. Взаимоотношения народов Дагестана и Северного Кавказа в XVIII – середине XIX в.: политические, торгово-экономические и этнокультурные аспекты / Д. С. Кидирниязов. – Махачкала: ИП Овчинников Михаил Артурович (Типография Алеф), 2016. – 494 с. – EDN WQJLTH.

15. Книга о лошади: Т. 1–2 / под ред. и с предисл. С. М. Буденного. Т. 1. – Москва; Ленинград: Сельхозгиз, 1933–1937, 1937. – 478 с.

16. Кумыков, Т. Х. Вовлечение северного Кавказа во всероссийский рынок / Т.Х.Кумыков. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. – 197 с. – EDN IQMMIH.

17. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. – Махачкала: Дагкнигиздат, 1957. – 408 с.

18. Писарев, В. И. Методы завоевания адыгейского народа с царизмом в первой половине XIX века // Исторические записки. – 1940. – Т. 9.

19. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., Собр. 1. 1830. Т. 1.

20. Пушкин, С. Обзор торговли Новороссийска // Кавказ. – 1849. – № 9.

21. Российский государственный военно-исторический архив. – РГВИА. Ф. ВУА. Д.6267.

22. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. / отв. ред. М. М.Ихтилов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. – 336 с.

23. Хашаев, Х. О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. – М.: Издательство АН СССР, 1961. – 263 с.

24. Чекменев, С. А. Из истории меновой торговли с горскими народами на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды КЧНИИ. – Ставрополь, 1970. – Вып. 6.

25. Чирг, А. Ю. Из истории русско-адыгейских торговых связей на Черноморском побережье Кавказа в первой четверти XIX в. // Вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в XIX в. – Майкоп, 1987.

26. Чирг, А. Ю. Развитие общественно-политического строя адыгов Северо-Западного Кавказа (конец XVIII – 60-е гг. XIX в.). – Майкоп, 2002. – 137 с.

27. Шамрай, В. С. Краткий очерк меновых (торговых) сношений на Черноморской кордонной и береговой линии с Закубанскими горскими народами с 1792 по 1864 год // Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1901. – Т. 8.

Сведения об авторе:

КИДИРНИЯЗОВ Даниял Сайдахмедович, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, адрес: 367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, д. 75, e-mail: daniyal2006@rambler.ru

SPIN-код: 6243-1929, AuthorID: 341514

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

References:

1. Abdulvakhabova, B. B. A. (2018) Trade and economic relations of the North Caucasian peoples with Kizlyar in the second half of the 18th – first half of the 19th century: B. B. A. Abdulvakhabova, I. N. Dautov. Humanitarian, socio-economic and social sciences. no. 5. P. 98-100. DOI 10.23672 / SAE.2018.5.14106. (In Russ.). EDN XQXHZR.

2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. - Tiflis: Printing House of the Main Directorate of the Viceroy of the Caucasus, 1866-1904. Vol. 6. Part1. (In Russ.).
3. Akhmedov, Sh. B. (2002) Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th centuries: essays on the socio-economic development and socio-political structure of Chechnya and Ingushetia in the 18th – early 19th centuries / Sh. B. Akhmedov. Elista: APP «Dzhangar». 528 p. ISBN 5-94587-072-3. (In Russ.). EDN UMUCWX.
4. Butkov, P. G. (1869) Materials for the new history of the Caucasus, from 1722 to 1803 / P. G. Butkova. Part 3. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 620 p. (In Russ.).
5. Gerber, I. (1958) Description of the countries and peoples along the western shore of the Caspian Sea. 1728. History, geography and ethnography of Dagestan. XVIII – XIX centuries: Archival materials. M. (In Russ.).
6. State Archives of Krasnodar Krai. GAKK. F. 249. Op. 1. D. 1103; F. 261. Op. 1. D. 39; F. 266. Op. 1. D. 39. (In Russ.).
7. State Archives of Stavropol Krai. GASK. F. 87. Op. 1. D. 233. (In Russ.).
8. Gritsenko N.P. Cities of the North-East Caucasus and productive forces of the region. V – mid-19th century. Rostov-on-Don, 1984. (In Russ.).
9. History of Adyghea from ancient times to the beginning of the 20th century: in 2 volumes. Volume 1. Maikop: Adyghe Republican Book Publishing House, 2009. 452p. (In Russ.).
10. History of Dagestan from ancient times to the present day. History of Dagestan from ancient times to the 20th century, 2004. 626 p. ISBN 5-02-009852-3. (In Russ.).
11. History of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the 18th century: (in translation) V. P. Lyubin, Kh. A. Amirkhanov, P. U. Autlev et al.; ed. B. B. Pitrovsky; introduction A. P. Novoseltseva; USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, etc. Moscow: Nauka, 1988. – 543 p. ISBN 5-02-009486-2. (In Russ.).
12. History of the Peoples of the North Caucasus (late 18th century – 1917) / Narochnitsky A.L., Gadzhiev V.G., Gritsenko N.P. et al.; ed. A.L. Narochnitsky, USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR, etc. Moscow: Nauka, 1988. 659p. ISBN 5-02-009408-0. (In Russ.).
13. History of Chechnya from Ancient Times to the Present Day. History of Chechnya from Ancient Times to the End of the 19th Century / M.Kh. Bagayev, Kh.A. Khizriev, Ya.Z. Akhmadov et al. 2006. 826 p. ISBN 5-98896-020-0.14. (In Russ.).
14. Kidirniyazov, D. S. (2016) Relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus in the 18th – mid-19th centuries: political, trade, economic, and ethno-cultural aspects: D. S. Kidirniyazov. Makhachkala: IP Ovchinnikov Mikhail Arturovich (AleF Printing House). 494 p. (In Russ.). EDN WQJLTH.
15. Book about the horse: T. 1-2 / edited and with a preface by S. M. Budyonny. T.1. – Moscow; Leningrad: Selkhozgiz, 1933–1937, 1937. 478 p. (In Russ.).
16. Kумыков, Т. Кх. (1962) Involvement of the North Caucasus in the All-Russian Market: Т. Кх. Кумыков. Нальчик: Кабардино-Балкарский книжный издательский дом. 197p. (In Russ.). EDN IQMMIH.
17. Magomedov, R. M. (1957) Socio-economic and political system of Dagestan in the 18th-early 19th centuries. Makhachkala: Dagknigizdat. 408 p. (In Russ.).
18. Pisarev V. I. (1940) Methods of conquering the Adyghe people with tsarism in the first half of the 19th century. Historical notes. Vol. 9. (In Russ.).
19. Complete collection of laws of the Russian empire. SPb., Coll. 1. 1830. Vol.1. (In Russ.).
20. Pushkarev, S. (1849) Review of trade in Novorossiysk. Caucasus. no. 9. (In Russ.).
21. Russian state military-historical archive. RGVA. F. VUA. D. 6267. (In Russ.).
22. Russian-Dagestani relations of the 17th – first quarter of the 18th centuries: ed. M. M. Ichilov. Makhachkala: Dagestan book publishing house, 1958. 336 p. (In Russ.).
23. Khashaev, Kh. O. (1961) Social system of Dagestan in the 19th century. - M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 263 p. (In Russ.).

24. Chekmenev, S. A. (1970) From the history of barter trade with the mountain peoples in the North Caucasus in the late 18th - first half of the 19th century. Proceedings of the KChNII. Stavropol. Issue 6. (In Russ.).

25. Chirg, A. Yu. (1987) From the history of Russian-Adyghe trade relations on the Black Sea coast of the Caucasus in the first quarter of the 19th century. // Issues of socio-political relations in the North-West Caucasus in the 19th century. Maykop. (In Russ.).

26. Chirg, A.Yu. (2002) Development of the socio-political system of the Adyghe people of the North-West Caucasus (late 18th - 60s of the 19th century). Maykop. 137p. (In Russ.).

27. Shamrai, V.S. Brief outline of barter (trade) relations on the Black Sea cordon and coastal line with the Trans- Kuban Mountain peoples from 1792 to 1864. Kuban collection. Ekaterinodar, 1901. Vol. 8. (In Russ.).

Author:

KIDIRNIYAZOV Daniyal S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History, Archaeology and Ethnography DFRC RAS, address: 75, Magomed Yaragsky St., 367030, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation, e-mail: daniyal2006@rambler.ru

SPIN-код: 6243-1929, AuthorID: 341514

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-9511-9092>

Конфликт интересов: автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и/или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

© Кидирниязов Д. С., 2025

Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons NonCommercial license <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>